

На правах рукописи

Торосян Анна Сергеевна

МИФОПОЭТИКА ПАВЛА КРУСАНОВА

(генезис и структура)

Специальность 10.01.01 Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва 2016

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
филологического факультета Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Российский университет дружбы народов»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор **Коваленко Александр Георгиевич**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук (10.01.01 – русская литература),
доцент **Гавриков Виталий Анатольевич**,
*доцент Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации;*

кандидат филологических наук (10.01.01 – русская литература),
преподаватель **Кротова Дарья Владимировна**,
*преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и
современного литературного процесса филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;*

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я.
Яковлева», кафедра литературы и культурологии (г. Чебоксары).

Защита состоится 21 октября 2016 года на заседании диссертационного совета
Д 212.203.23 при Российском университете дружбы народов по адресу:
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского
университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-
Маклая, д. 6.

Объявление о защите и автореферат размещены на сайтах <http://vak.ed.gov.ru>
и <http://dissovet.rudn.ru>.

Автореферат разослан «___»_____ 2016 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Базанова А.Е.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Имя Павла Крусанова прочно вошло в список самых известных и читаемых русских авторов современности. В 80-е его творческая деятельность связана с музыкальным андеграундом: он пишет песни, играет в Ленинградских рок-клубах. Однако в начале 90-х годов Крусанов отходит от участия в музыкальных коллективах, целиком и полностью посвящая себя писательскому ремеслу. С этого времени одна за другой выходят его книги: «Где венку не лечь» (1990) «Одна танцую» (1992), «Знаки отличия» (1995), «Рунопевец» (1997), «Отковать траву» (1999), «Укус ангела» (2000), «Бессмертник» (2000), «Ночь внутри» (2001), «Бом-бом» (2002), «Другой ветер» (2002), «Действующая модель ада» (2004), «Калевала» (2005), «Американская дырка» (2005), «Мёртвый язык» (2009), «Ворон белый. История живых существ» (2012), «Царь головы: рассказы» (2014). Читательское признание за пределами Петербурга к нему приходит после выхода романа «Укус ангела». Крусанов неоднократно становился лауреатом и финалистом таких литературных премий как премия «Северная Пальмира» (1996), премия журнала «Октябрь» (1999), премия «Национальный бестселлер» (2003), премия «Большая книга» (2010). Наряду с художественными произведениями, он является автором сборника эссе «Все прочее – литература», в котором отражены его идеологические и литературные взгляды. Одна из программных статей сборника «Легионеры незримой империи» при поддержке Евразийского Союза Молодёжи появилась в первом номере газеты «Евразийское вторжение» в 2005 году.

В отечественном литературоведении П. Крусанов чаще всего рассматривается в общем контексте современной русской прозы. Существует не так много отдельных работ, в которых его творчество представлено монографически, во всем многообразии его индивидуальных особенностей и уникальности художественной поэтики. Среди них можно отметить статьи и монографии следующих исследователей: Т. К. Ермоченко, Е. Козлов, С. С. Пахомова, М. А. Бологова, Ю.А. Повх, М. М. Голубков, И. Б. Ничипоров, Т.Н. Бреева.

Существенно важным представляется то, что произведения П. Крусанова исследуются в контексте так называемой новой петербургской прозы. Так, например, литературовед Т. К. Ермоченко в своем диссертационном исследовании под названием «Поэтика новой петербургской прозы конца XX – начала XXI веков» рассматривает П. Крусанова, М. Кураева А. Секацкого, Н. Подольского, Т. Толстую, Н. Толстую, С. Носова, Н. Шумакова, А. Вяльцева, И. Доляняка, И. Шнуренко, Н. Галкиной как представителей нового этапа развития классического Петербургского текста. Основанием для этого являются, по

мнению исследователя, наличие характерной структуры мотивов, главным из которых является миф о Петербурге как «имперском городе»¹.

Раскрытию мотивной структуры современной петербургской прозы и выявлению доминантных особенностей посвящена также работа Ю. А. Повх «Петербургский миф в русской прозе 1990-2000-х годов (2011)». По мнению ученого, одним из главных мотивов, организующих, в частности, структуру рассказа «Сим победиши» П. Крусанова является мотив вечного города.

Наряду с указанной литературой выделяются также работы, в которых делается попытка проанализировать творчество современного прозаика под углом зрения постмодернистской эстетики.

Отличительной чертой этих исследований является представление о том, что Крусанова, при всем очевидном воздействии на него постмодернизма нельзя назвать писателем-постмодернистом как таковым. Так, например, М. А. Бологова указывает, что «несогласие» современных авторов с постмодернизмом прослеживается, в частности, в отношении к мифу. Исследователь пишет: «У исследуемых авторов (Ю. Буйды, П. Крусанова, М. Рыбаковой, Л. Улицкой, Е. Шкловского, Г. Щербаковой) нет тотальной релятивности, есть и пиетет перед сакральным, и уважение к нему, и глубокий интерес к «высокому духовному смыслу»².

Подобного же мнения придерживается литературовед Е. Козлов. В статье «Неомифологизм в петербургской прозе девяностых» аргументируется, что творчество Крусанова, наряду с другими петербургскими писателями, находится как бы вне постмодернистского контекста: «Среди молодых петербургских авторов, недавно выпустивших свои романы, – пишет ученый – с очевидностью выделяется некая группа, объединенная не то чтобы общностью художественного направления или стиля, — скорее, общностью понятий, тем, духовных ориентиров. Речь идет о Павле Крусанове, о его романе «Укус ангела», о Вадиме Назарове («Круги на воде»), Сергее Носове («Член общества, или Голодное время») и Александре Секацком («Моги и их могущества»). Не испытавшие решающего воздействия постмодернистской поэтики, эти писатели – именно те, через кого, как кажется, получает свой шанс на существование петербургская «нео-проза», интегрирующая в свой состав петербургский миф и вообще явно склонная к мифологизации»³.

Попытку определить художественную методологию П. Крусанова делает С. С. Пахомова. Ученый относит творчество П. Крусанова к новой художественной парадигме, складывающейся в конце 1990-х – 2000-х годах на пересечении постмодернизма, модернизма и реализма, синтез элементов которых составляет его литературную стратегию.

---

¹ Ермоченко Т. К. Поэтика новой петербургской прозы конца XX - начала XXI веков / Т.К. Ермоченко: дис. канд. филол. наук. – Брянск, 2008.

² Бологова М.А. Поэтика русской прозы 1900-2000 годов / М.А. Бологова. дисс. канд. филол. наук. – Новосибирск, 2013. – С. 21.

³ Козлов Б. Козлов Б. Неомифологизм в петербургской прозе девяностых // Звезда. – М., 2001. №11. – С. 223.

Важно отметить, что С. С. Пахомова говорит о сознательном отказе писателей от постмодернистской поэтики в пользу других литературных ориентиров. Выделяя особо П. Крусанова, А. Королева, В. Шарова, она указывает на интерес писателей к экзистенциальной и онтологической проблематике, полагая их «законными наследниками и продолжателями русской гуманистической литературы, но усвоившими стилевые уроки постмодернизма»⁴.

Спорность причисления Крусанова к когорте постмодернистов оспаривает М. М. Голубков. Безусловно, соглашается ученый, в романе «Укус ангела» присутствуют очевидные постмодернистские приметы, на которые указывают и жанр произведения, и события в нем происходящие, и центральные темы. Однако, постмодернистские «признаки» не являются доминантными: «Крусанов не ограничивается, подобно Ануфриеву и Пепперштейну, бессмысленной демонстрацией авторской фантазии и писательской техники, но создает роман с подлинно гуманистических позиций, в нем ставятся проблемы национальной судьбы, говорить о смерти Автора или же о деконструкции как об основе эстетической программы П. Крусанова невозможно»⁵.

Актуальность работы обусловлена научным интересом к проблеме взаимодействия мифа и литературы. Целостное исследование структуро- и сюжетообразующей роли мифопоэтических элементов, тем, мотивов и обнаружение уникальной мифологической парадигмы художественных текстов прозаика могут существенно расширить представления о поэтике новой петербургской литературы и творчества П. Крусанова, в частности.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что впервые в отечественном литературоведении поэтика творчества П. Крусанова становятся специальной темой научного исследования. Анализ произведений в контексте современных теорий мифа позволяет говорить о присутствии мифологического мышления как моделирующего принципа поэтики Крусанова.

В соответствии с этим мы выделяем следующую **цель и задачи** диссертации.

Целью работы является исследование поэтики П. Крусанова в контексте художественного мифологизма современной русской прозы.

Основные задачи работы:

1. Обосновать целостность и единство художественного мира писателя, опирающегося на важную концептуально-значимую социально-историческую идею и мировоззрение писателя.

---

⁴ Пахомова С.С. Повествовательные стратегии в современной прозе / С.С. Пахомова: дисс. канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2012. – С.199.

⁵ Голубков М.М. Рубеж веков глазами современника. Опыт историко-литературного описания / М.М. Голубков. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Сер. 7. – Литературоведение. Реферативный журнал. – 2012. – № 3.

2. Вписать П. Крусанова в мифопоэтическую традицию, установить природу, смысл и истоки происхождения мифопоэтических мотивов, дать анализ мифопоэтической парадигмы творчества П. Крусанова.

3. Рассмотреть индивидуальные особенности творчества писателя в русле традиции Петербургского текста русской литературы.

Объект исследования настоящей диссертации – произведения П. Крусанова «Ночь внутри» и «Укус ангела», первое из которых относится к раннему творчеству писателя, а второе к более зрелому периоду его писательской деятельности. Выбор этих произведений, на первый взгляд непохожих и непересекающихся как в жанровом, так и в стилистическом плане, обусловлен потребностью найти общие черты художественной картины мира писателя.

Предмет исследования – мифопоэтика творчества П. Крусанова.

Теоретико-методологической основой настоящей диссертации являются работы как отечественных (М. М. Бахтин, О. М. Фрейденберг, А. Ф. Лосев, С. С. Аверинцев, А. Ю. М. Лотман, М. Б. Гаспаров, В. Н. Топоров, Е. М. Мелетинский, С. М. Телегин, Я. Э. Голосовкер, В. М. Найдыш, П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, С. А. Нижников, А. Г. Коваленко, Т. К. Ермоченко, Е. Б. Скороспелова, М. М. Голубков и др.), так и зарубежных ученых (Дж. Фрейзер, К. Г. Юнг, Дж. Кэмпбелл, О. Ранк, Н. Фрай, М. Элиаде и др.) в области истории, теории литературы и мифотворчества.

В работе используются **методы** структурно-семиотического (Ю. М. Лотман, Вяч. Вс. Иванов, Б. А. Успенский), историко-литературного анализа и метод мотивного анализа (Б. М. Гаспаров). Основным для нас является мифопоэтический метод исследования художественного текста. Здесь мы опираемся на труды многих авторов: Е. М. Мелетинского, А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина, Я. Э. Голосовкера, С. С. Аверинцева, В. Н. Топорова, Г. П. Козубовской, С. М. Телегина, М. Элиаде, С. Ю. Неклюдова, В. Земскова и других.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в исследованиях по проблемам мифа и мифопоэтики. Изучение поэтики Павла Крусанова позволяет дополнить не только общую картину литературного процесса конца XX века – начала XXI века, но и говорить о состоянии новой петербургской прозы, как отдельном корпусе текстов в современной русской литературе.

Практическая значимость состоит в том, что материалы данной работы могут быть использованы при разработке общих курсов по истории русской литературы рубежа XX – XXI веков, истории новой петербургской прозы, а также спецкурсов по процессу мифологизации в современной прозе, испытывающей влияние различных литературных течений и направлений, теоретических спецкурсов по проблемам поэтики мифа.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Для творчества П. Крусанова характерен «неомифологизм» как особого рода поэтика, содержательно и структурно ориентированная на миф и мифопоэтическую парадигму. «Неомифологизм» П. Крусанова представляет собой целостную художественную систему, которая наследует и опирается на приемы мифопоэтики разных явлений русской и зарубежной литературы XX века: символистов рубежа XIX-XX веков, магического реализма второй половины XX века (Г.Г. Маркес), эстетики постмодернизма. Все это вместе взятое вписано в традицию «Петербургского текста».
2. В романе «Укус ангела» Крусанова имеет место стремление к созданию пространственно-временных мифопоэтических универсалий. Одной из важнейших среди них, является идея «русского империализма». Имперская тема содержит в себе мысль о «сверхнациональном» единстве, воплощенном с помощью евразийских мотивов, благодаря которым образ России в художественном пространстве произведения стремится к расширению своих территориальных, духовных, национальных и исторических границ.
3. Центральный конфликт романа «Укуса ангела» реализуется в антиномическом со-противопоставлении Востока и Запада. Эпицентром реализации антиномии становится пространство России, взятое в его широких исторических пределах. Указанный фундаментальный конфликт опирается на дополняющие его антитезы – центра и периферии, сакрального и профанного, космоса и хаоса, духа и материи.
4. Стремление к мифопоэтической универсализации в романе также проявляется в создании образов главных героев – Ивана Некитаева и Клюквы. Первый иллюстрирует представление о «сверхнациональном» герое, в жилах которого течет как русская, так и азиатская кровь. Второй является олицетворением первообраза Матери-земли.
5. Эсхатологический миф составляет основу авторской мифологии в прозе П. Крусанова и в романе «Ночь внутри», в частности. На сюжетном уровне эсхатологический миф Крусанова разворачивается в соответствии с «деградацией»: в начале рассказывается о «золотом веке», далее сакральное пространство разрушается, в повествовании доминирует картина упадка. Именно этот вектор определяет сюжет романа «Ночь внутри», на примере семьи Зотовых и «разложения» их семейных отношений.
6. Художественная структура романа «Ночь внутри» ориентирована на актуализацию универсальных архетипических структур, архетипических мотивов и образов. В художественной организации романа имеют место такие универсальные свойства мифа как цикличность, неоднородность хронотопа, сакральность, вневременность, биннарность, борьба космоса и хаоса. К

универсальным мотивам относятся мотив «потерянного рая», мотив пути, мотив инициации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Общий объем работы – 150 страницы. Библиография насчитывает 186 наименования.

Апробация работы. Основные положения работы были изложены в пяти публикациях, из них 3 – в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданиях ВАК. Материалы диссертации излагались на научных конференциях, методологических семинарах, заседаниях кафедры русской и зарубежной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается тема диссертационного исследования, его актуальность для современного литературоведения, определяется его новизна, формулируются цели и задачи, его теоретическое и практическое значение, предмет и объект исследования, основные положения, выносимые на защиту, приводится аналитический обзор критических и научных работ о творчестве П. Крусанова.

В первой главе «**Парадигма мифопоэтики П. Крусанова**» дается представление о мифопоэтике писателя как системном и целостном художественном явлении. Мифы Крусанова перетекают друг в друга и поддерживают единую художественную концепцию романа «Укус ангела». Кроме того, системность заключается в том, что в романе есть доминантный миф, который поддерживается производными от него мифологическими мотивами.

Анализируется миф о Востоке и Западе. Восток и Запад выступают в романе в качестве простейших и универсальных топосов, одновременно противопоставленных и образующих органичную смысловую связь.

В исследовании устанавливается, что из антиномии Востока и Запада вытекают следующие оппозиции, структурирующие художественное пространство романа: «свой-чужой», «центр-периферия», «сакральный-профанный». Так, структура художественного пространства наделяется одним из главных свойств присущих мифологическому пространству – качественной неоднородностью, наличием в нем сакрального центра и потенциально враждебной периферии. Сакральным центром в произведении является «русский рай» – имение Некитаевых под Порховом. Пространство враждебной периферии распределено на Востоке с одной стороны и на Западе с другой. Табасаран, а, в дальнейшем, и другие завоеванные земли, наделен чертами, свойственными мифологическому представлению о потустороннем мире. Если имение главного героя – это укрытие от внешнего злого воздействие, место спокойного течения жизни, то Кавказ – это неосвоенная и враждебная территория, населенная народом с варварской и эмоциональной культурой. Восток отождествляется с варварским, диким, несущим хаос

началом. В то же время Запад с его «языком газонной цивилизации», Эдиповым комплексом, извращенными представлениями о еде, либеральными ценностями, «человекопоклонством», «культом успеха», закрывающим от взора истинное бытие (*орфография авторская*) представлены в романе как совершенно чужеродные российскому сознанию ценности, навязанные извне.

Однако наряду с противопоставлением культур и мировоззрений в центре романа лежит стремление к целостности, универсализации национального сознания. Устанавливается, что стремление к универсализации Крусанова осуществляется посредством введения в художественную структуру «Укуса ангела» евразийских и имперских мотивов.

В работе представлен краткий обзор произведений, актуализирующих евразийские идеи. Евразийская тема звучит не только у А. Белого, творчество которого в этом плане достаточно разработано, но также и у А. Платонова, В. Пелевина, Л. Юзефовича, Хольма ван Зайчика.

Мифопоэтическая картина Российской империи носит причудливый, фантастический характер, имеющий, впрочем, отголоски и аллюзии на реальную историю. Так, Российская империя, разделенная на две части, Западную и Восточную, о чем повествуется в предыстории основного сюжета, возвращает свою целостность при правлении Ивана Некитаева, российско-китайское происхождение которого является предпосылкой «сверхнациональности» героя. Разделение и воссоединение Западной и Восточной части символизирует архетипическое противопоставление и взаимодействие этих двух культур в российском сознании. Центральными мотивами имперской темы романа являются мотив всемирного господства, мотив идеального правителя, мотив идеального имперского города.

Во втором и третьем разделах диссертации рассматриваются механизмы трансформации мифологических сюжетов, образов и мотивов в ткань художественного произведения. Одним из центральных является мотив перевоплощения или метаморфозы, уходящий корнями в эпоху архаического мировоззрения, основанного на представлениях «о нечетких (расплывчатых) множествах, членами которых могут быть боги наравне с животными, людьми и неодушевленными предметами, иногда переходящими друг в друга благодаря метаморфозе»⁶. В диссертации также анализируются и другие архаические мотивы и образы: мотив инцеста, обрядовые мотивы, образ брошенного ребенка (М. Элиаде) и образ старца. Также определенное место занимают религиозные мотивы и мотивы Петербургского мифа.

Четвертый раздел первой главы посвящен стилистическому анализу романа «Укус ангела». Устанавливается, что текст «Укуса ангела» представляет собой сложную словесную ткань, насыщенную индивидуальными стилистическими приемами, целью которых является

---

⁶ Иванов В. В. *Метаморфоза // Мифы народов мира: Энциклопедия.* – М., 1988. Т. 2. – С. 148.

создание особой авторской реальности. Повествование «Укуса ангела» усложняется с помощью непоследовательного изложения событий, что способствует построению многомерного пространства изображаемого мира.

Во второй главе «Художественное время и пространство» анализируется мифопоэтическая пространственно-временная структура романа «Ночь внутри» и его характерологическая система. Особенностью организации пространства является его десакрализация: герои движутся от центра к периферии, вертикально – сверху вниз, по направлению в «Нижний мир». Характерно, что этот путь В. Н. Топоров противопоставляет движению к сакральному центру, указывая, что «путь к чужой и страшной периферии <...> ведет из укрытого, защищенного, надежного «малого» центра в царство все возрастающей неопределенности, негарантированности, опасности»⁷. Путь, который проходят герои романа изобилует именно такого рода спонтанными поступками, неконтролируемым выбором, обуславливающих и особое представление о судьбе.

Опираясь на структуру эсхатологического мифа, для которого характерно движение от центра к периферии, от космического порядка к хаотичному беспорядку, и, вплетая в художественную ткань центральные мифологемы пути, дома, круга, Крусанов выстраивает мир «разомкнутого» семейного пространства Зотовых.

Эсхатологическое измерение романа заполнено мотивами эрозии, разложения и «консервности»: засоленный труп Михаила, засушенный цветок как образ памяти, мир – гниющий колодец, родители Зотовых – истлевшие сухие насекомые.

В диссертации показано, что эсхатологический миф, структурирующий сюжетный план романа, при всей его концептуальной значимости, не носит абсолютного характера. В конце романа происходит утверждение идеи о цикличности времени. Роман не заканчивается на окончательной победе хаоса над космосом, смерти над жизнью, уничтожением семейных ценностей. Мотив цикличности как бы «нейтрализует» эсхатологию романа. Художественный мир Крусанова, подобен мифологическому универсуму, он подчинен циклическим моделям, поэтому смерть в нем не окончательна. Роман не заканчивается самоубийством последнего из рода Зотовых. Финал утверждает идею продолжения жизни и вечного обновления природы, благодаря плачу младенца молодой семьи Грибовых.

Хронотоп романа «Ночь внутри» организован в соответствии с логикой мифа, которая оперирует бинарными оппозициями. Так, герои на протяжении описываемых событий пересекают границы сакрального и профанного, реального и потустороннего миров.

В работе показано, каким образом эсхатологический миф коррелирует с экзистенциальными идеями Крусанова, составляющими философско-мировоззренческую концепцию романа.

---

⁷ Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст : семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 262.

Особыми экзистенциальными красками обрисовано пространство психиатрической больницы, куда попадает Мишка Зотов. Главные экзистенциальные темы в художественном пространстве романа – это тема смерти, одиночества, отчужденности.

Тема смерти раскрывается через взаимопроникновение реального и запредельного миров. П. Крусанов сохраняет принцип жизнеспособности, реалистично описывая атмосферу психиатрической действительности, вместе с тем вводит в роман сверхъестественные элементы. Подобное взаимопроникновение реального и потустороннего миров осуществляется с помощью мотива галлюцинации, которые преследуют Мишку, в частности, в пространстве психбольницы. Призраки родственников и другие элементы фантастического, которые автор вводит в реалистическое повествование, не вступают в противоречие с действительностью, а являются ее неотъемлемой частью.

Тема отчужденности реализована в конфликте индивидуального и социального. В деформированной реальности психбольницы царит непонимание и формальное отношение к чужой проблеме (самое главное для главврача исписать как можно больше страниц для истории болезни, нежели общение с больным и желание ему помочь). Мотив одиночества и отчужденности от человеческого общества, который в пространстве психбольницы приобретает особо острый характер, усиливает тему изолированности человека и тему «разомкнутости» семейных отношений.

Общую картину экзистенциального пространства дополняют мрачные, эсхатологические образы, организующие как внешнее пространство окружающей действительности, так и внутренне психологическое состояние Миши: «Когда в палате тишина, можно слышать шелест. Это звучит за окном – за решеткой, за мутным стеклом – сырой серый мир. Хорошо, что сейчас осень, хорошо, что стекло грязное, в муаровых дождевых подтеках, хорошо, что мир ветшает, что он уже очень глухой и хворый, как гниющий колодец – тщедушие природы уравнивает тоску сердца»⁸. Грязное стекло закрывает от него мир вездесущего одиночества, где смыслом жизни матери может стать месть, даже ценой жизни собственной дочери, а образы гниющего колодца и ветшающий мир символизируют предзнаменование конца.

Экзистенциальные мотивы осложняют антиномическое противостояние хаоса и космоса и усиливают эсхатологизм романа в целом.

В исследовании устанавливается, что картина деградации семьи Зотовых, наряду с эсхатологическими и экзистенциальными темами, обусловлена также общими особенностями мифологического мышления, а точнее его представлениями о взаимосвязи и взаимозависимости всех элементов мира. По словам В. М. Найдыша: «Космос характеризуется взаимной отзывчивостью и чуткостью частей: ничто не может измениться в

---

⁸ Крусанов П.В. О людях и ангелах: романы. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 20014. – С.82

одной части мира без того, чтобы не вызвать изменения в остальных его частях («всемирная симпатия», по Посидонию)». В центре мифологической мысли стоит целостность мироустройства, в котором все взаимосвязано и неразрывно (душа и тело, человек и природа)»⁹. «Негативной» иллюстрацией этого представления является картина деградации семьи Зотовых в романе «Ночь внутри», где имеет место распад семейно-родовых отношений. Нарушение семейно-родовых правил (братоубийство, инцест, месть) влечет за собой «мельчание» и исчезновение семьи Зотовых. В более широком смысле, в изображении Крусанова «цепь» жизни предстает как тайное, мистическое сплетение личных судеб в истории.

Во втором разделе второй главы анализируется образная система романа «Ночь внутри» и выявляются оппозиционно-антиномические связи между ними. Центральное положение в образной системе занимает Михаил Зотов. Михаил – созидательный образ, реализующий авторскую идею «предводителя» и «цивилизатора». Михаилу присуще крайнее бесстрашие и постоянное развитие героического начала. Герой проходит путь, который сопровождается переходом из одного «статуса» в другой. Мотив инициации – главный в организации данного образа. Все это говорит о том, что образ Михаила восходит к мифическому образу культурного героя.

Антиподом выступает младший брат Михаила – Семен. Семен олицетворяет разрушительные силы хаоса. Его образ является носителем братоубийственного греха и причиной не сложившейся личной жизни Анны Зотовы.

Оба персонажа обладают яркими индивидуальными чертами и являются в совокупности носителями определенной идеи, которая через них реализуется в тексте. Данные образы выводят тему братского противостояния за пределы семейно-родовых отношений на простор исторической реальности России, когда после событий октябрьской революции 1917 года, народ прошел все круги братоубийственной войны.

Михаилу и Семену противопоставлен их средний брат Яков. Если Михаил и Семен – это герои-богоборцы, в которых пылает огонь жизни, то Яков олицетворяет в романе идею «богооставленности» и полного безразличия. Сознанию Якова присуще восприятие действительности как бессмысленного хаоса.

Женские персонажи также связаны между собой антиномически. Как и в случае с мужской парой, в системе женских персонажей также выделяются пары, представляющие собой целостные «микроструктуры». Так, например, Рита и Лиза олицетворяют собой единую ипостась женского образа, имеющую антиномическую природу, с одной стороны, это существо с яркой выраженной сексуальностью, представитель неконтролируемой стихии, разрушающей любые представления о морали и являющейся в то же самое время частью потустороннего мира хаоса. С другой стороны – это тип

---

⁹ Найдыш В.М. Мифология учебное пособие / В.М. Найдыш. — М. КНОРУС, 2010. – С. 83.

женщины-носительницы нравственного идеала, «существа прозрачного и нежного, как крылатая муравьиная невеста», единственное воплощение одухотворенной любви и материнского начала, через который в романе актуализируются мотивы непорочности и блаженности.

Образ матери раскрывается через женские образы-антиподы Натальи Зотовой и Нины Хайми. В сущности, и здесь видна антиномическая основа пары. Первая – является символом материнской жертвенности и чрезмерной заботливости, вторая – мать-хищница, использующая свое дитя для осуществления мести. Обе героини олицетворяют одну ипостась архетипа Великой матери (К.Г.Юнг), в образе которой обнаруживается архетипическая полнота и позитивно-негативная полярность. Другие женские персонажи дополняют главный тип героини романа «Ночь внутри» – универсальный образ «неполноценного» женского начала. Героини романа ненавидящие или страдающие матери-одиночки, женщины вовсе не способные родить ребенка.

Взгляд на события прошлого реализуется через образ рассказчицы Анны Зотовой и историка Николая Вторушина. Николай пытается распутать клубок болезненных и «по-своему» интерпретированных воспоминаний Анны. Полностью погружаясь в прошлое семьи Анны, он как бы пытается гармонизировать и упорядочить историю Зотовых, разобраться и найти их поступкам оправдание. Так, в романе выстраивается система полемических точек зрения на историю: Анна интерпретирует события через ненависть, а Николай через любовь. Точка зрения Николая помогает выйти за пределы тесного мира ненавистных воспоминаний Анны и трактовать историю беспристрастно.

Третья глава **«Творчество Крусанова и Петербургский текст»** посвящена рассмотрению литературных и культурных явлений, оказавших влияние на творчество Павла Крусанова.

В первом разделе третьей главы определяется связь художественного мира П. Крусанова с традицией Петербургского текста.

Элементы Петербургского текста реализуются в художественном мире П. Крусанова в первую очередь как антиномическая напряженность поля взаимоотношений двух центральных художественных идей: имперской мощи Петербурга и таинственной реальности северной столицы.

Имперские мотивы тесно переплетаются с мотивами загадочности и фантастичности. Тема таинственности, загадочности Петербургского пространства прорастает из легенды об основании города, построенном на воздухе и не имеющим под собой фундамента, а также из текстов «устной литературы» XVIII века о блуждающем по городу призраке Петра I. Обилие подобных текстов «устной литературы» способствовало созданию представления о пространстве, в котором таинственность и загадочность является закономерностью.

Данная особенность петербургской картины мира, которая традиционно является важным структурирующим элементом Петербургского текста, реализует главную тему крусановской «имперскости». Возрождение мощного

имперского города не мыслится без фантастических и таинственных элементов. К таким элементам относятся чудесное появление на свет будущих правителей (Ивана и Клюквы), сверхъестественная сила любви, благодаря которой Петербург обретает статус величественного имперского города, наличие фантазмагорических персонажей (моги), совершающих магические метаморфозы с врагами главного героя и приводящие его к абсолютной власти. Тема гадания и таинственных предсказаний, связанная с петербургским пространством, также сопряжена с темой имперского города. Мотивы таинственности и загадочности, заимствованные из Петербургского текста, служат для поэтизации образа «возрождения имперской столицы» и оправдывают сюжетную линию «восхождения государя».

Взаимодействие традиции Петербургского текста и художественного мира П. Крусанова просматривается и в обращении к структуре апокалиптического сюжета и эсхатологическим мотивам. В Петербургском тексте использование структуры эсхатологического мифа обусловлено самой реальностью Петербурга, его климатом, географическим расположением, наводнениями и другими отрицательными природными явлениями города.

По мнению В.Н. Топорова идея конца и гибели определяют главную тему петербургской мифологии и являются сутью города, частью его сознания. Исследователь указывает на то, что пространство Петербурга, растворяясь в хаосе, обнаруживает в себе связь с бездной, нижним миром, смертью. Хаос заполняет и пространство крусановских текстов. Художественный мир писателя находится на пути к распаду и исчезновению, причины которого могут быть как частного личного характера – месть, инцест, братоубийство, так и универсального, национального масштаба, когда безудержная жажда власти и победы приводит к вселенской катастрофе.

У П. Крусанова эсхатологический миф, предполагающий апокалиптический финал, подменяет историю. Он позволяет создать вымышленную действительность, через которую так или иначе просматриваются реалии современности.

Во втором разделе третьей главы рассматриваются идеологические и эстетические взгляды «петербургского фундаментализма», обусловившие обращение к мифологическому сознанию, имперской и евразийской темам.

Неофундаменталистов характеризует стремление к актуализации в общественном и культурном самосознании «имперского элемента», проблема которого осмысливается и в творчестве других современных русских писателей. «Имперская тема» является сквозной в произведениях В.Рыбакова «Гравилет «Цесаревич», Д.Быкова «ЖД», А. Проханова «Симфония “Пятой империи”», В. Пелевина «Ампир В», Л. Юзефовича «Самодержец пустыни». Основными принципами художественного построения «имперских текстов», которые объединяют и петербургских фундаменталистов и писателей других литературных течений, является создание параллельной российской действительности, альтернативной истории России. Еще одним объединяющим принципом «имперской литературы» является обращение к

евразийским мотивам. Евразийское пространство в «имперских тестах» реализуется в наборе следующих оппозиций: Азия и Европа, Россия и Западная Европа, православный мир и латинство, допетровская Русь и послепетровская Россия, Москва и Петербург, центр-периферия, рациональность и мистическое и т.д., восходят к коренной антитезе Востока и Запада.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, намечаются дальнейшие пути изучения обозначенных проблем.

Творчество современного русского прозаика следует рассматривать как целостную художественную систему, опирающуюся на мифопоэтическую парадигму.

Анализ творчества П. Крусанова в контексте современного литературного процесса позволяет увидеть в его текстах уникальную мифопоэтическую структуру, которая играет важнейшую роль в понимании произведений «Укус ангела» и «Ночь внутри». В мифе Крусанов обнаруживает новое измерение, которое позволяет писателю выйти за пределы социально-исторических норм и моделей, искать и находить более широкую надысторическую систему оценок.

Список публикаций

Статьи в периодических журналах ВАК:

- 1. Торосян А.С. Евразийское пространство в романе П. Крусанова «Укус ангела» [Текст] /А.С. Торосян // Вестник РУДН. Серия “Теория языка. Семантика. Семиотика”. – М.: РУДН, 2015, № 1. – С. 175 – 180**
- 2. Торосян А. С. Мифопоэтика П. Крусанова: Легенда об истинном правителе в романе «Укус ангела» [Текст] /А.С. Торосян // Вестник РУДН. Серия: литературоведение, журналистика. – М.: РУДН, 2015, № 3. – С. 71-77**
- 3. Торосян А.С. Мифопоэтическое пространство в романе П. Крусанова «Ночь внутри» // Вестник РУДН. Серия: философия. – М.: РУДН, 2015, № 4 С. 124-129.**

Статьи в других изданиях:

1. *Торосян А.С.* Мотивы магического реализма в романе П. Крусанова «Укус ангела» [Текст] / А.С. Торосян// Личность в межкультурном пространстве: материалы VIII Международной научно-практической конференции. – М.: РУДН, 2013. – С.260-263.
2. *Торосян А.С.* Писательский метод П. Крусанова и петербургский фундаментализм [Текст] / А.С. Торосян// Языки. Народы. Культуры: альманах научных статей. – М.: РУДН, 2014. – С.82-88.

ТОРОСЯН АННА СЕРГЕЕВНА (Россия)

Мифопоэтика творчества П. Крусанова

В диссертации рассматривается поэтика творчества современного российского прозаика Павла Крусанова, как яркий образец взаимодействия мифа и литературы. Художественная структура романов «Укус ангела» и «Ночь внутри» уподобляется схеме структуры мифа на сюжетно-композиционном, пространственно-временном, образном, субъективном и словесно-речевом уровнях. Хронотоп имеет важнейшую особенность, изначально присущую мифологической топографии: он структурируется с помощью бинарных оппозиций, главные из которых космос-хаос, сакральное-профанное, верх-низ, центр-периферия. Выявляется ряд мифопоэтических образов и мотивов: образ «мирового дерева», мотив пути, мотив «потерянного рая», а также евразийские и экзистенциальные мотивы, составляющие основу авторского мифологизма. Определяется влияние Петербургского текста и приемов художественного мифологизма XX века на творчество П. Крусанова.

TOROSYAN ANNA (Russia)

Mythopoetics by Pavel Krusanov

The dissertation examines the poetics of contemporary Russian writer of Pavel Krusanov as a striking example of the interaction of myth and literature. Narrative structure of the novels "Angel's bite" and "The night inside" assimilate to the scheme structure of the myth on the plot-compositional, spatial-temporal, imaginative, subjective and verbal speech levels. Chronotope has an important feature, the inherent mythological topography: it is structured by means of binary oppositions, the main of which is space-chaos, sacred-profane, top-bottom, center-periphery. To reveal a number of mythopoetic images and motifs: the image of the "world tree", motif of the way, motif of the "lost paradise", as well as the Eurasian and existential motifs. To determine the impact of the Petersburg's text and artistic techniques of mythologism XX century on the work of P. Krusanov.